

«Галина мама» Сусанна Георгиевская

Глава первая

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нём зелёные, как сады, берега зелёные, как улицы, и дворы зелёные, как берега.

Под высоким берегом течёт Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу.

Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка — их всех троих эвакуировали из Ленинграда.

Галина бабушка была ничего себе, хорошая, но мама была ещё лучше. Она была молодая, весёлая и всё понимала. Она так же, как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу всё тепло.

Целую неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружки, большие и маленькие, и проводила разные линеечки — жирные или тоненькие как волосок. Это называлось «чертить».

По воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты и лодки, шёл пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щёточками, и летали в тени стрекозы — несли по воздуху свои узкие тельца на плоских, сиявших под солнцем крыльях. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной.

— Мама, машина! — кричала Галя. — Попроси!..

Галина мама медленно оборачивалась — не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она поднимала руку.

Грузовик останавливался.

— Подвезите нас немножко, пожалуйста, — говорила мама. — Моей девочке так хочется покататься!

Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку.

Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, обе в ситцевых платьицах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки.

Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: «Ой, мама! Ай, мама!»

Ей хотелось, чтобы видел весь двор, вся улица, весь город Куйбышев, как они с мамой катаются на машине.

Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

— Спасибо, товарищи, — говорила мама.

Машина вздрогивала и останавливалась.

— Галя, скажи и ты спасибо.

— Спасибо! — кричала Галя, уже стоя на мостовой.

Вверху улыбались красноармейцы.

Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, идущий к вокзалу, садились пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев.

Вся улица вокруг них как будто притихла.

Люди останавливались и молча покачивали головами.

Многие женщины тихонько плакали.

И вот трамвай дрогнул. Нежно звеня, покатил он по улицам города Куйбышева. За ним побежали колхозницы, что-то крича и махая платками.

Галя с мамой стояли на краю тротуара и смотрели им вслед.

— Галя, — вдруг сказала мама, — я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

— Уйдёшь? — спросила Галя, и глаза у неё стали круглые и мокрые. — На фронт? Без меня?

Глава вторая

А через два месяца Галя и бабушка провожали маму на фронт.

На вокзале толпились люди.

Бабушка подошла к пожилому военному и сказала:

— Товарищ военный, дочка моя на фронт едет. Единственная. Молоденькая совсем... Будьте уж столь любезны, если вы едете в этом поезде, не дайте её в обиду.

— Напрасно, мамаша, беспокоитесь, — ответил военный. — Какая тут может быть обида!

— Ну вот и хорошо, — сказала бабушка. — Благодарствуйте.

Стемнело. На вокзале зажглись огни. В их жёлтом свете сиял, как лёд, сырой от дождя перрон.

Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном.

Она кричала: «Дочка моя! Доченька моя дорогая!» — и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от неё зависело уберечь здоровье и счастье мамы.

А мама стояла в тамбуре за проводницей и говорила:

— Мамочка, не надо. Мамочка, оставь. Мамочка, я ведь не одна, неудобно... Не надо, мамочка!

Поезд ушёл в темноту. Галя и бабушка ещё долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонёк. И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без неё. И громко заплакала. Бабушка взяла её за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

Глава третья

А мама в это время всё ехала и ехала.

В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, фонарь. И оттуда вместе со светом шли облака махорочного дыма. Все скамейки были уже заняты.

Мама сидела на своём чемоданчике в коридоре вагона, увозившего её на фронт. Она вспоминала, как бабушка бежала за поездом в своём развевающемся платке, вспоминала круглое лицо Гали, её растопыренные руки, пальтишко, перехваченное под мышками тёплым вязаным шарфом, и ножки в маленьких тупоносых калошах... И она шептала, как бабушка: «Дочка моя, доченька моя дорогая!..»

Поезд шёл мимо голых деревьев, шумел колёсами и катил вперёд, всё вперёд — на войну.

Глава четвёртая

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером. Там нет ни лесов, ни полей — есть одна только тундра, вся затянутая ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцевым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от этого море не замерзает.

Там стоял во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота.

Штаб связи помещался в скале — в самой настоящей серой гранитной скале. Матросы вырубили в ней глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали шифровки.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! — иногда думала Галина мама. — Какая тут пещера и какие скалы!.. Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но шла война, и писать о том, в какой пещере помещается штаб, было нельзя, да Галиной маме и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе — так у флотских называется кухня, — то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

Глава пятая

И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова.

Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное.

Только далеко, там, где небо упирается в землю, стояли неровными зубцами горы.

Это был хребет Тунтури.

Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер и бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И было так пусто кругом! Даже птицы не было видно в синем небе.

Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо.

С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

— Ну, ты, пошла, пошла! — понукала Галина мама свою лошадку.

И вот они выбрались к самому заливу — лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

Залив был гладкий, как лист глянцевитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце — так чист, так спокоен был небесный купол.

И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то, со стороны Тунтурей, прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег.

Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

— Ну, старушка родная, гони! — закричала мама и изо всех сил пришпорила лошадь.

Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрюпя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов.

Это фашист, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло её по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё сломались.

Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадкой.

Маме очень хотелось пить. Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из стремени, поднялась и пошла вперёд. Рукав её куртки совсем взмок от крови. Её тошило.

Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тундра так и гудела от взрывов. Мёрзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну ещё десять шагов! Ну ещё пять! Ну ещё три!»

Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней.

Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть — и она пришла.

— Пришла!.. — сказала мама и упала в снег: ей стало совсем худо.

Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку.

Маму подняли и понесли на носилках в санитарную часть.

В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Глава шестая

В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо — не от мамы, а от начальника госпиталя.

Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом все-таки поняли, что Галина мама ранена, упала с лошади и чуть не замёрзла в снегу.

— Так я и знала! Так я и знала! — плача, говорила бабушка. — Чуяло моё сердце!

— Моя мама ранена, — рассказывала Галя во дворе. — Мы так и знали!

Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили для мамы кисет и вышили: «Смело в бой, отважный танкист!» Они не знали, что Галина мама была связисткой.

Кисет с махоркой девочки отдали Галиной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркальце.

А потом Галя поехала с бабушкой в Москву, где лежала в госпитале мама.

Они остановились у родных, в Большом Картенном переулке, и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму.

Бабушка кормила маму с ложечки, потому что мамины больные, отмороженные руки ещё не двигались. А Галя стояла рядом и уговаривала её, как маленькую: «Ну, съешь ещё немножечко! Ну, за меня! Ну, за бабушку!...»

Глава седьмая

И вот мама почти совсем поправилась. Её выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у неё ещё не гнулись, и бабушка причёсывала её и одевала, как раньше одевала и причёсывала Галю. А Галя возила её через день в госпиталь на электризацию, брала для неё в троллейбусе билет, открывала ей двери, застёгивала на ней шинель. И мама называла её: «Мои руки».

Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному:

«Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел такого-то числа, в три часа дня».

Открытка была послана несколько дней назад, но пришла с опозданием. Такое-то число было уже сегодня, а до трёх часов оставалось всего полтора часа.

Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали в наградной отдел.

Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжёлую дверь, и они с мамой вошли в подъезд. А бабушка не захотела войти.

— Я лучше здесь подожду, — сказала она. — Уж очень я волнуюсь.

У вешалки с мамы сняли шинель, а Галя сама сняла свой тулупчик. И тут всем стало видно, что под шинелью у мамы — красивая, парадная форма офицера Военно-Морского Флота, а под тулупчиком у Гали — матросская блузка, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

— Глядите-ка! Два моряка! — сказала гардеробщица.

Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади — Галя.

За дверью сказали: «Прошу!» — и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Всё сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов.

Галя и мама остановились у дверей.

Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причёсана! Над воротом синего кителя виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана торчал платочек. А в кармане юбки — Галя это знала — лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью «Смело в бой, отважный танкист!». Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навытяжку. Рядом в матросской куртке стояла навытяжку Галя.

Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал:

— За ваши заслуги в борьбе с захватчиками... — и протянул коробочку.

Но мамины руки лежали в чёрных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали Родину, эти руки. На них остался багровый след её холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперёд, подошёл прямо к Гале и отдал коробочку ей.

— Возьми, девочка, — сказал он. — Ты можешь гордиться своей мамой.

— А я и горжусь! — ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

— Служу Советскому Союзу!

И они обе — мама и Галя — пошли к двери.

Впереди шла Галя с коробочкой, сзади — мама с руками в перевязках.

Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны — единственный орден, который передаётся по наследству детям.

У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

— Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна. Таких много... Ну, не плачь, право же неудобно!..

Но тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

— Отчего же! — сказала женщина. — Конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь!

Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице.

Галя тянула её за рукав. Она торопилась домой, в Большой Каретный.

Ей хотелось скорее-скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что они получили орден.

А так как я тоже живу в Большом Каретном, в том самом доме, в том самом дворе, то и я услышала всю эту историю и записала её слово в слово от начала до конца — по порядку.

«Шинель» Благинина Е.А

Почему ты шинель бережешь? -
Я у папы спросила. -
Почему не порвешь, не сожжешь? -
Я у папы спросила.

Ведь она и грязна, и стара,
Приглядись-ка получше,
На спине вон какая дыра,
Приглядись-ка получше!

Потому я ее берегу, -
Отвечает мне папа, -
Потому не порву, не сожгу, -
Отвечает мне папа. -

Потому мне она дорога,
Что вот в этой шинели
Мы ходили, дружок, на врага
И его одолели!

«День Победы» Михалков С.В.

Спать легли однажды дети
— Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете
— В окнах свет, и нет войны!
Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налетов не бояться,
И ночных тревог не ждать.
Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!
И смешались на платформах
С шумной радостной толпой
Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.
Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой спаситель
— Красной Армии солдат!

«Наша Родина» Г. Ладончиков

И красива и богата
Наша Родина, ребята.
Долго ехать от столицы
До любой её границы.

Всё вокруг своё, родное:
Горы, степи и леса:
Рек сверканье голубое,
Голубые небеса.

Каждый город
Сердцу дорог,
Дорог каждый сельский дом.
Всё в боях когда-то взято
И упрочено трудом!

«Моя улица» Михалков С.В.

Это — папа,
Это — я,
Это — улица моя.

Вот, мостовую расчищая,
С пути сметая сор и пыль,
Стальными щетками вращая,
Идет смешной автомобиль.
Похож на майского жука —
Усы и круглые бока.

За ним среди ручьев и луж
Гудит, шумит машина-душ.

Прошла, как туча дождевая, —
Блестит на солнце мостовая:
Двумя машинами она
Умыта и подметена.

«Метро» Е. Тараховская

Ждать трамвая? Не желаю!
На автобус не сажусь!
Лучше сяду на метро я:
На метро быстрее втрое
Я до школы доберусь!
Ты не стой у остановок:
Лучше вместе мы войдём
В этот светлый, в этот новый
Необыкновенный дом!
Я всегда его узнаю
И не спутаю ни с чем:
Погляди, над ним, как знамя,
Знак метро — большое «М»!

«Лучше нет родного края» Платон Воронько

Жура-жура-журавель!

Облетал он сто земель.

Облетал, обходил,

Крылья, ноги натрудил.

Мы спросили журавля:

– Где же лучшая земля?

– Отвечал он, пролетая:

– Лучше нет родного края!

«Заячий остров» Ефимовский Е.С.

То было триста лет назад...
Царь Петр к Неве привел солдат.
Шел по болотам и лесам -
И этот остров выбрал сам:
"Стеною прочной окружен,
Твердыней грозной будет он,
Неву закроем на замок,
Чтоб враг пройти сюда не смог!"
...С рассвета топоры стучат,
Торопит Меншиков солдат.
Вбивают в землю сваи,
Болото осушают.
На остров прибывал народ...
Шел май, и века третий год.
Вал невысокий насыпной
Стеной был первой крепостной,
Шесть бастионов по углам
Как часовые встали там.
И вскоре всё, что возведут,
Санкт-Петербургом назовут.
Так был основан город...
Его воздвигли на века,
А началось всё с островка:
Мал Заячий, да дорог!

«Синий шалашик» Дмитриев Ю.

Мушонок родился рано утром и сразу стал летать над поляной. Маму свою он, конечно, не знал, никогда не видел. Да и родители не нужны мушатам: они летать могут, едва появляются на свет.

летал над поляной и всему радовался. И тому, что он умеет летать. И тому, что ярко светит солнышко. И тому, что на полянке много цветов, а в каждом цветке — сладкий сок! Летал Мушонок, летал и не заметил, как набежали тучи. Холодно ему стало... И он, наверно, заплакал бы, если бы не увидел бабочку.

— Эй, Мушонок! Ты чего сидишь? — крикнула бабочка. — Сейчас пойдет дождь, у тебя намокнут крыльышки и ты обязательно пропадешь!

— Я знаю! — сказал Мушонок, и слезы сами собой полились у него из глаз. — Я обязательно пропаду.

— А ты не хочешь пропадать?

— Не хочу пропадать.

— Тогда лети за мной! — крикнула бабочка.

Мушонок сразу перестал плакать и полетел за

бабочкой. А бабочка сидела на синем, похожем на шалашик, цветочке.

— Залезай сюда! — крикнула бабочка и забралась в цветок.

Мушонок — за ней. И сразу ему стало тепло. Повеселел Мушонок и начал оглядываться вокруг, но никого не увидел — очень уж темно было в шалашике! Хотел Мушонок спросить, кто же тут есть, да не сумел: что-то сильно ударило по шалашику снаружи.

Один раз, потом другой. Потом — еще. Сначала — медленно. Т-у-к! Т-у-к!.. А потом все быстрее: тук-тук -тук-тук...

Не знал Мушонок, что это дождик стучит по крыше синего шалашика: кап-кап-кап...

Мушонок не заметил, как заснул. А утром проснулся и очень удивился: все вокруг стало голубым-преголубым. И не догадался Мушонок, что это солнышко просвещивает сквозь тонкие стенки шалашика. Некогда было раздумывать — вылез из шалашика и полетел над поляной. И опять он летал весь день весело и беззаботно. А когда начало темнеть — решил разыскать свой шалашик. Искал-искзал, да так и не нашел. Но на полянке было много синих шалашиков, и в каждом так же хорошо, как во вчерашнем. И стал Мушонок ночевать в синих шалашиках. Почти всегда в этих шалашиках он заставал других мушек. Всех пускал к себе синий шалашик. Такой уж это добрый цветок — колокольчик.

«Он живой и светится» Драгунский В.Ю.

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все еще не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорово!

И я сказал:

– Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Даешь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придет мама. Но она все не шла.

Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня.

Я лег на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял ее в руки.

– Ты открои ее, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зеленый огонек, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звездочка, и в то же время я сам держал ее сейчас в руках.

— Что это, Мишка, — сказал я шепотом, — что это такое?

— Это светлячок, — сказал Мишка. — Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка, — сказал я, — бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдан эту звездочку, я ее домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зеленый, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит мое сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

— Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

— Я, мама, променял его.

Мама сказала:

— Интересно! А на что?

Я ответил:

– На светлячка! Вот он, в коробочке живет. Погаси-ка свет!
И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоем смотреть на бледно-зеленую звездочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но все-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

К.И. Чуковский Тараканище

Часть первая

Ехали медведи
На велосипеде.
А за ними кот
Задом наперёд.

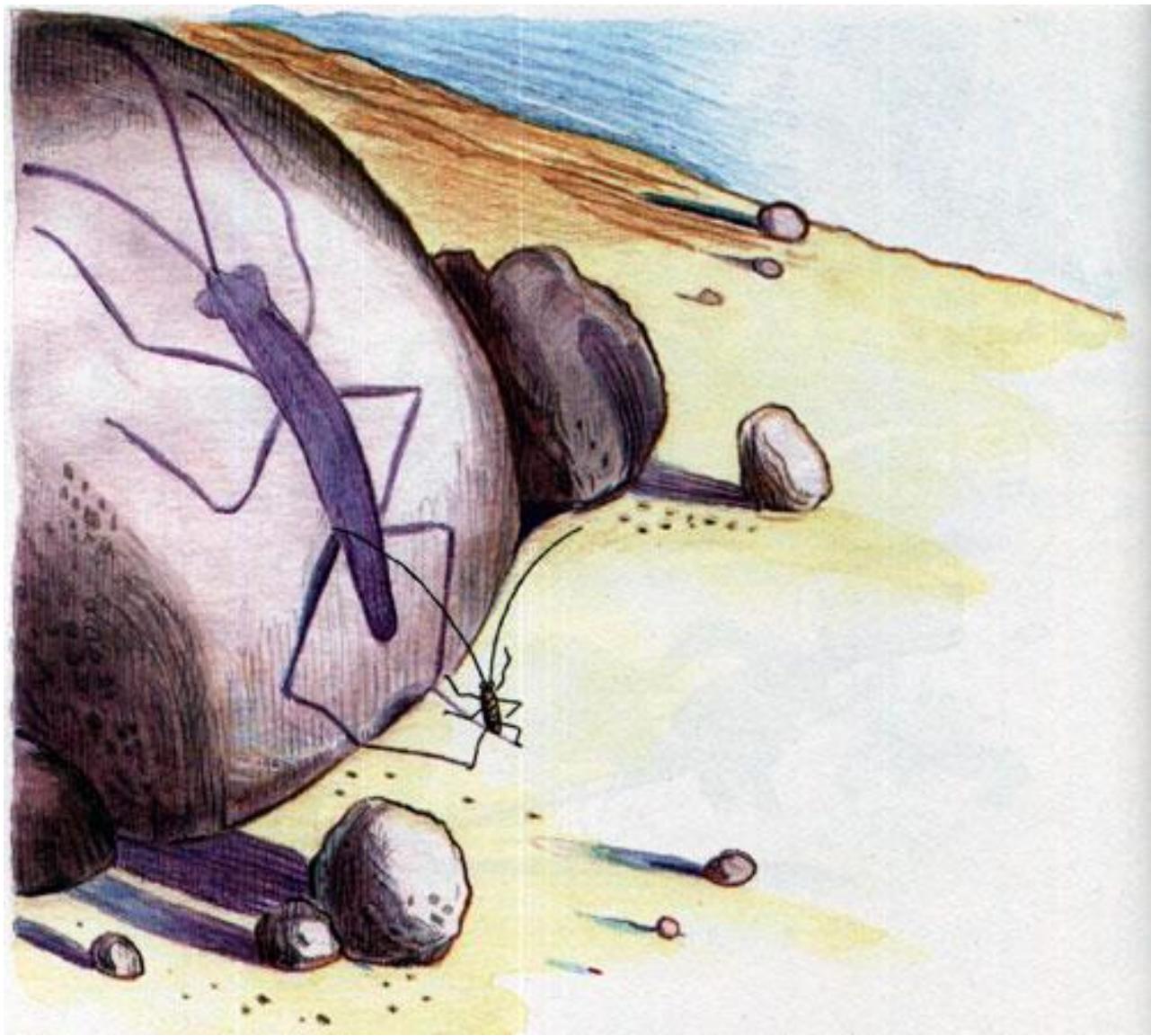
А за ним комарики
На воздушном шарике.
А за ними раки
На хромой собаке.

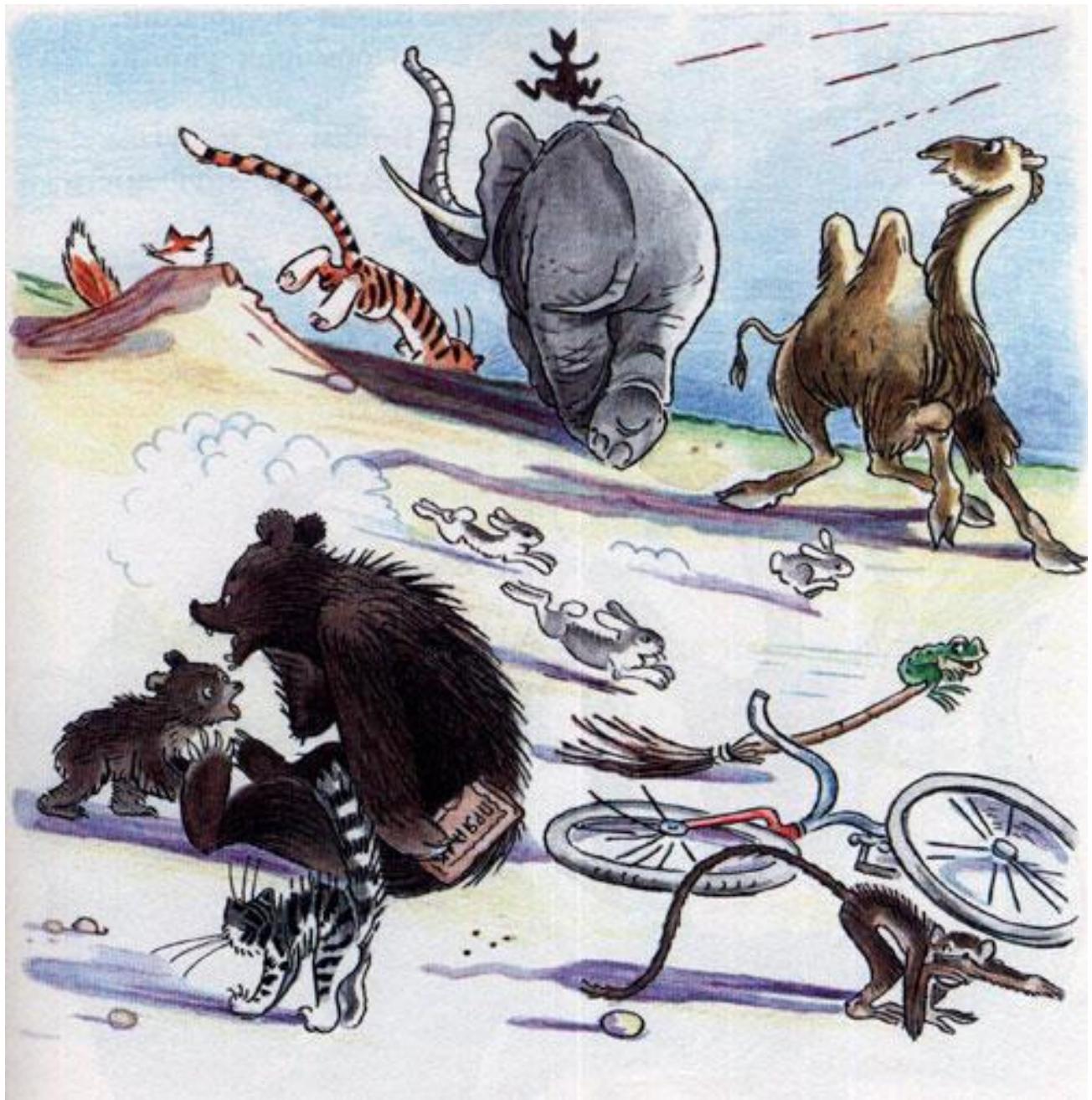
Волки на кобыле.
Львы в автомобиле.
Зайчики
В трамвайчике.
Жаба на метле...

Едут и смеются,
Пряники жуют.
Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан, Тараканище!

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую»

Звери задрожали,
В обморок упали.
Волки от испуга
Скушали друг друга.

Бедный крокодил
Жабу проглотил.
А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.

Только раки-забияки
Не боятся бою-драки;
Хоть и пятятся назад,
Но усами шевелят
И кричат великану усатому:
«Не кричи и не рычи,
Мы и сами усачи,
Можем мы и сами

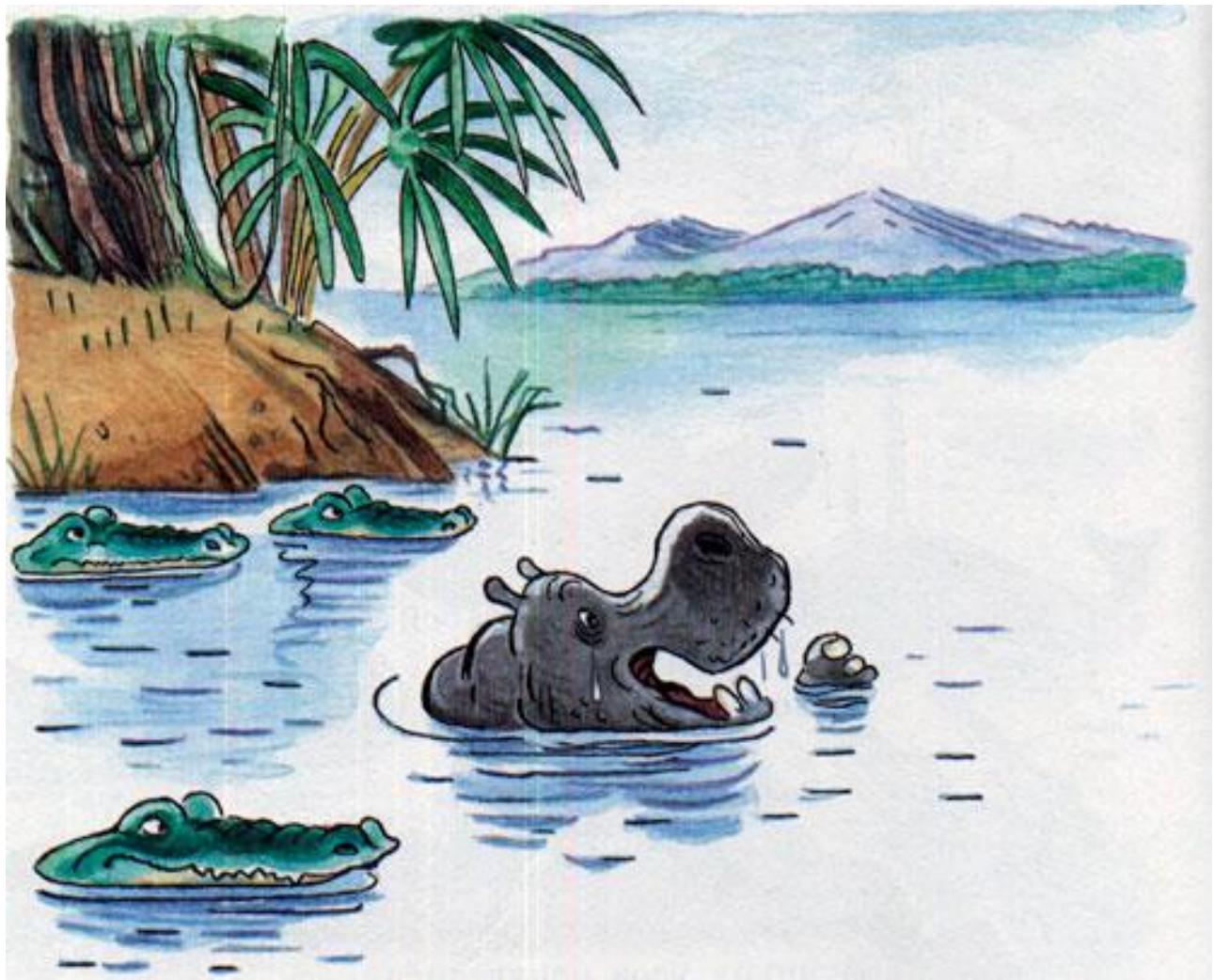
Шевелить усами!»
И назад ещё дальше попятались.
И сказал Гиппопотам
Крокодилам и китам:
«Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалую!» —

«Не боимся мы его,
Великана твоего:
Мы зубами,
Мы клыками,
Мы копытами его!»
И весёлою гурьбой
Звери кинулись в бой.
Но, увидев усача
(Ай-яй-яй!),
Звери дали стрекача
(Ай-яй-яй!).

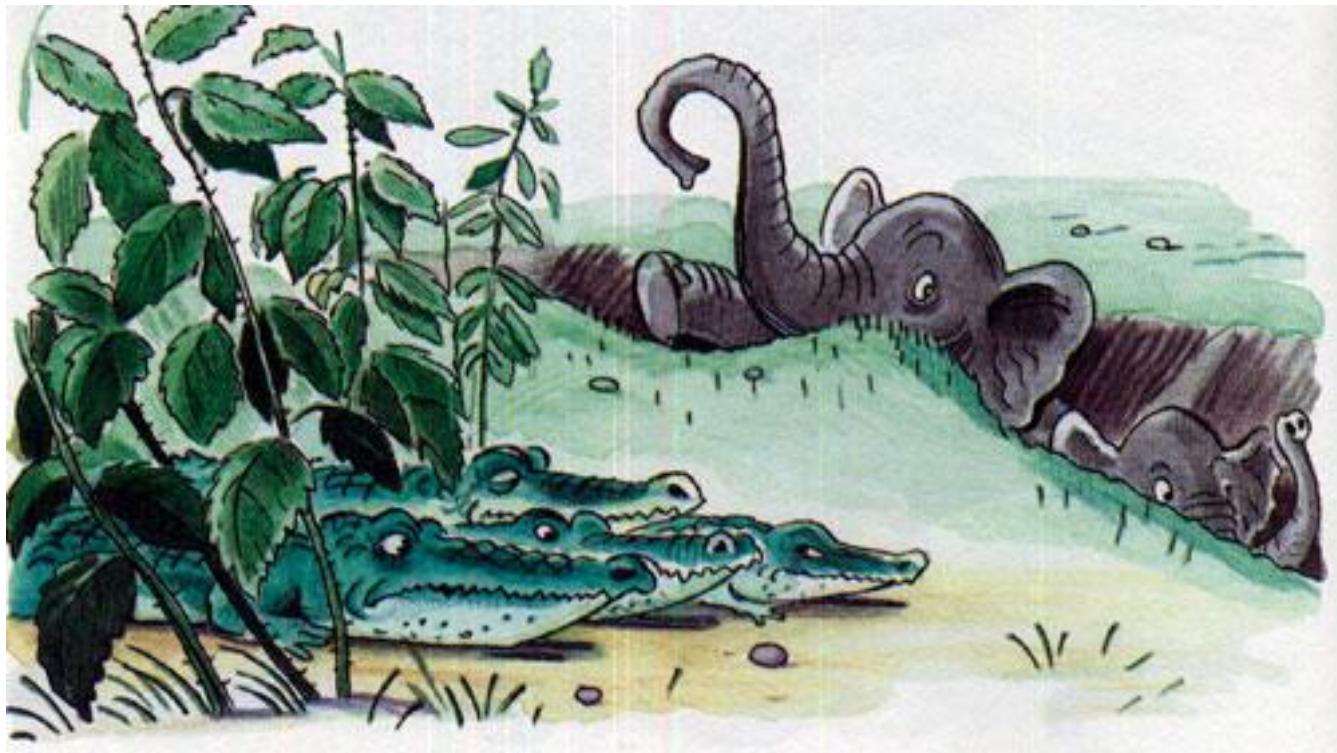
По лесам, по полям разбежалися:
Тараканьих усов испугалися.
И вскричал Гиппопотам:
«Что за стыд, что за срам!
Эй, быки и носороги,
Выходите из берлоги
И врага
На рога
Поднимите-ка!»

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы,
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже не дёшевы».
И сидят и дрожат под кусточками,
За болотными прячутся кочками.

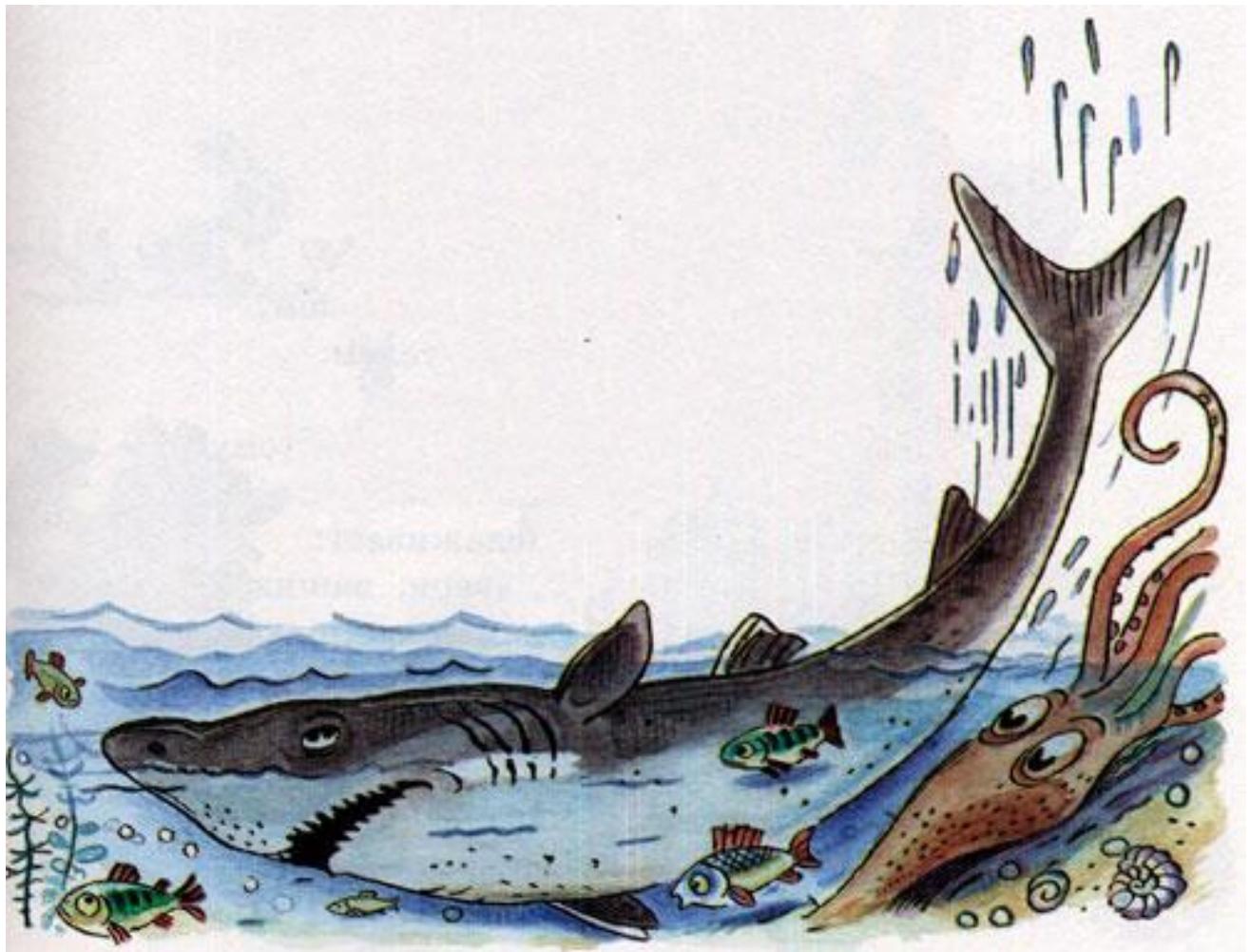
Крокодилы в крапиву забились,
И в канаве слоны схоронились.
Только и слышно, как зубы стучат,
Только и видно, как уши дрожат,

А лихие обезьяны
Подхватили чемоданы
И скорее со всех ног
Наутёк.

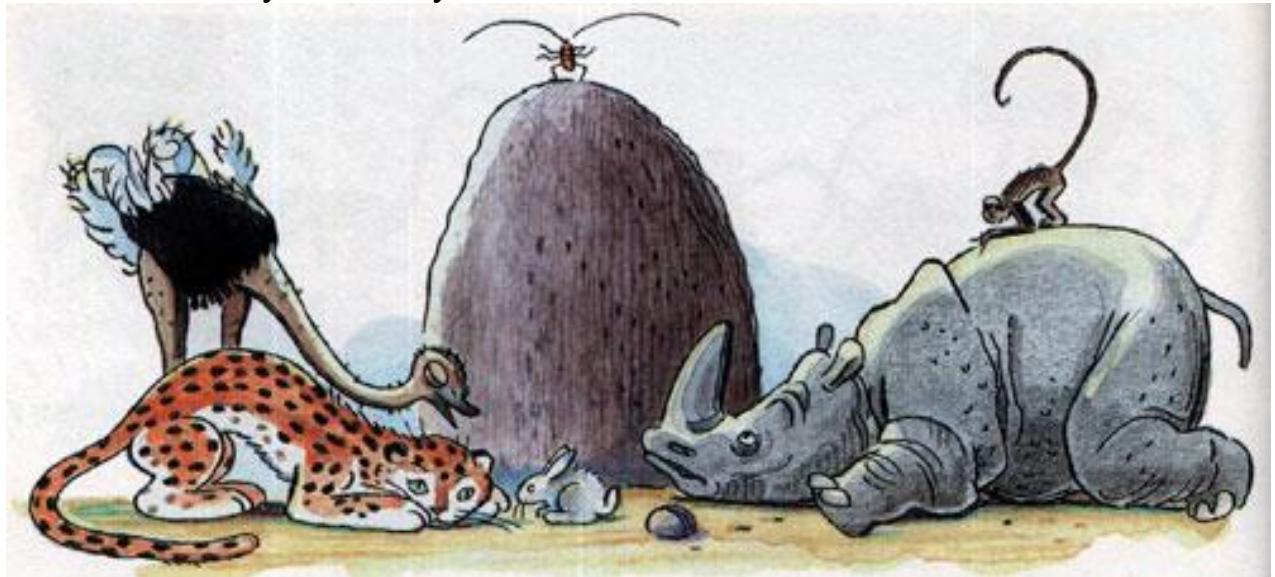

И акула
Увильнула,
Только хвостиком махнула.
А за нею каракатица —
Так и пятится,
Так и катится.

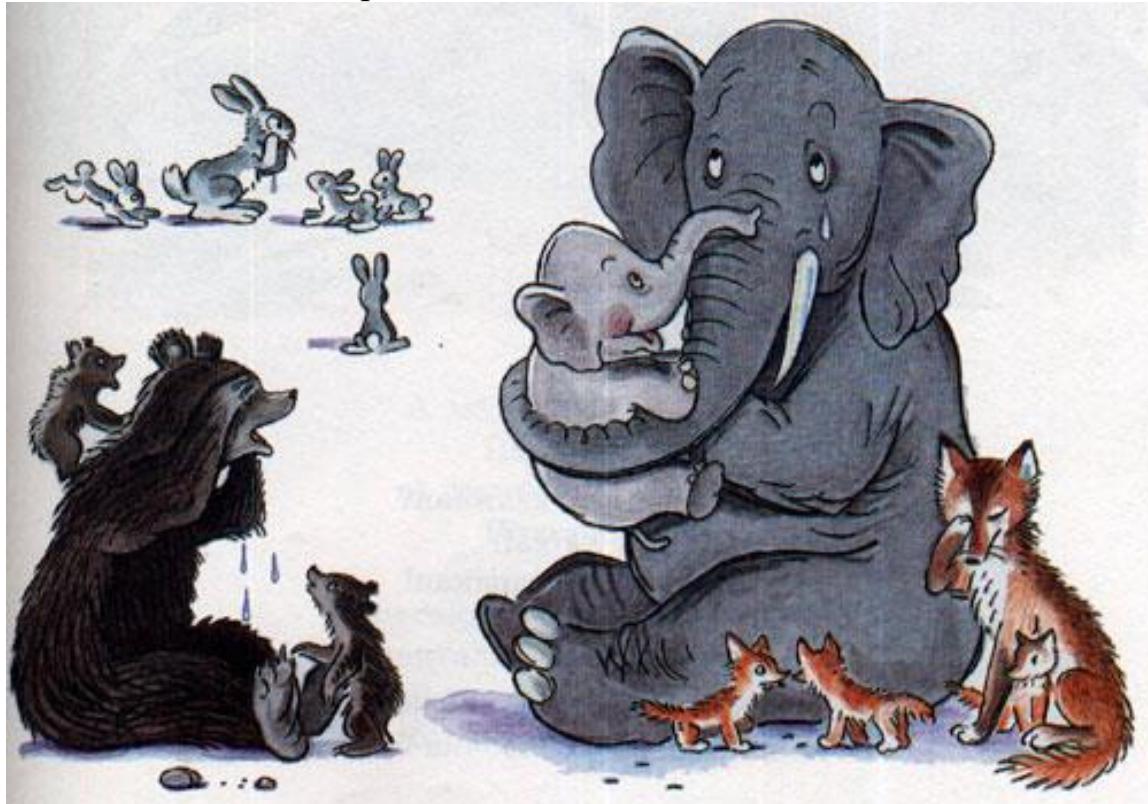

Часть вторая

Вот и стал
Таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому
(Чтоб ему провалиться, проклятому!).
А он между ними похаживает,
Золочёное брюхо поглаживает:
«Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,
Я сегодня их за ужином скушаю!»

Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, ревут!
В каждой берлоге
И в каждой пещере
Злого обжору клянут.
Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого ребёнка —
Медвежонка, волчонка, слонёнка, —
Чтобы несытое чучело
Бедную крошку замучило!
Плачут они, убиваются,
С малышами навеки прощаются.

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,
Закричала сгоряча:
«Разве это великан?
(Ха-ха ха!)
Это просто таракан!
(Ха-ха-ха!)

Таракан, таракан, таракашечка,
Жидконогая козявочка - букашечка.
И не стыдно вам?
Не обидно вам?
Вы — зубастые,
Вы — клыкастые,
А малявочке поклонились,
А козявочке покорились!»

Испугались бегемоты,
Зашептали: «Что ты, что ты!
Уходи-ка ты отсюда!
Как бы не было нам худа!»

Только вдруг из-за кусточка,
Из-за синего лесочка,
Из далёких из полей
Прилетает Воробей.
Прыг да прыг
Да чик-чирик,
Чики-рики-чик-чирик!
Взял и клюнул Таракана —
Вот и нету великана.
Поделом великану досталось,
И усов от него не осталось.

То-то рада, то-то рада
Вся звериная семья,
Прославляют, поздравляют
Удалого Воробья!
Ослы ему славу по нотам поют,
Козлы бородою дорогу метут,
Бараны, бараны
Стучат в барабаны!
Сычи-трубачи
Трубят!

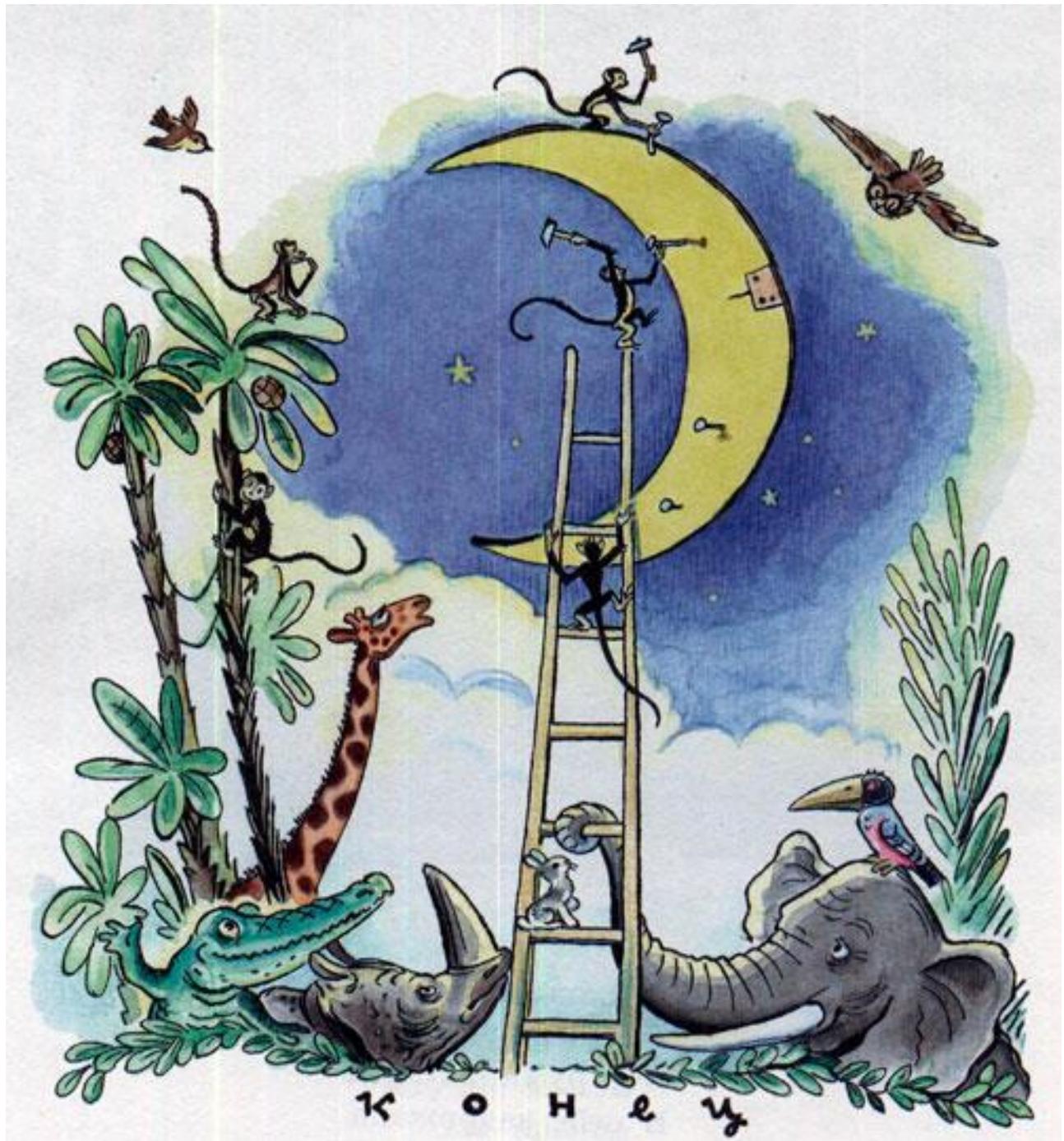
Грачи с каланчи
Кричат!
Летучие мыши
На крыше
Платочками машут
И пляшут.

А слониха, а слониха
Так отплясывает лихо,
Что румяная луна
В небе задрожала
И на бедного слона
Кубарем упала.

Вот была потом забота —
За луной нырять в болото
И гвоздями к небесам приколачивать!

Мамин – Сибиряк Д.Н.

«Сказка про комара Комаровича – Длинный Нос и про Мохнатого Мишу – Короткий хвост»

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович - длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

- Ой, батюшки! ой, караул!

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

- Что случилось? Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат - ничего разобрать нельзя.

- Ой, батюшки! Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; как дохнул - проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил.

Комар Комарович - длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

- Эй вы, перестаньте пищать! - крикнул он. - Вот я сейчас пойду и прогоню медведя. Очень просто! А вы орёте только напрасно.

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь! Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

- Эй, дядя, ты это куда забрался? - закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз - никого не видно, открыл другой глаз - едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

- Тебе что нужно, приятель? - заворчал Миша и тоже начал сердиться.

Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

- Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

- Да что тебе нужно, негодная тварь? - зарычал он.

- Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю. Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

- Ловко я напугал мохнатого Мишку! В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

- Ну, а сейчас-то медведь где?

- А не знаю, братцы. Сильно струсили, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю. Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума.

Пищали, пищали и решили - выгнать медведя из болота.

- Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше. Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится - сам уйдёт, но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

- Идём, братцы! - кричал больше всех Комар Комарович. - Мы ему покажем. Да!

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

- Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! - хвастался Комар Комарович. - Даже жаль немножко, вой какой здоровый медведище.

- Да он спит, братцы, - пропищал маленький комаришко, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

- Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! - запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. - Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит, как ни в чём не бывало.

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

- Он притворяется, что спит! - крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. - Вот я ему сейчас покажу. Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вольётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил - хвать лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

- Что, дядя, не понравилось? - пищит Комар Комарович. - Уходи, а то хуже будет. Я теперь не один Комар Комарович - длинный нос, а прилетели со мной и дедушка, Комарище - длинный носище, и младший брат, Комаришко - длинный носишко! Уходи, дядя.

- А я не уйду! - закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. - Я вас всех передавлю.

- Ой, дядя, напрасно хвастаешь.

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

- Я тебя съем, дядя.

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров.

Так и ломит со всего плеча. Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, - все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров - опять толку нет.

- Что, взял, дядя? - пищал Комар Комарович. - А я тебя всё-таки съем.

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шума было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил! Всё ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича, - ведь вот тут, над самым ухом вьётся, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилен наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку - давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже - комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

- Постойте, вот я вам задам! - ревел он так, что за пять вёрст было слышно. - Я вам покажу штуку.

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревёт:

- Ну-ка, подступитесь теперь ко мне. Всем носы пообломаю!

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут. Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвётся с сука, точно мешок. Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

- Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Ещё тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

- Я тебя съем. Я тебя съем. Съем. Съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

- Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно! Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

- И то не стоит, - обрадовался медведь. - Я это так. Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я. Я.

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович - длинный нос летит за ним, летит и кричит:

- Ой, братцы, держите! Убежит медведь. Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: "Не стоит! Пусть его уходит - ведь болото-то осталось за нами!"

«Лето в лесу» И. С. Соколов-Микитов

Хорошо и привольно летом в лесу.

Зелёной листвою одеты деревья. Пахнет грибами, спелой, душистой земляникой.

Громко поют птицы. Пересвистываются иволги, кукуют, перелетая с дерева на дерево, неугомонные кукушки. В кустах над ручьями заливаются соловьи. В лесу под деревьями рыщут звери. Бродят медведи, пасутся лоси, резвятся весёлые белочки. В тёмной чаще скрывается разбойница-рысь.

У самой вершины старой ели, в густых ветвях, свили гнездо тетеревятники-ястребы. Много лесных тайн, сказочных чудес видят они с высокой тёмной вершины.

«Весёлое лето» Валентин Берестов

Лето, лето к нам пришло!
Стало сухо и тепло.
По дорожке прямиком
Ходят ножки босиком.
Кружат пчелы, вьются птицы,
А Маринка веселится.
Увидала петуха:
— Посмотрите! Ха-ха-ха!
Удивительный петух:
Сверху перья, снизу — пух!
Увидала поросенка,
Улыбается девчонка:
— Кто от курицы бежит,
На всю улицу визжит,
Вместо хвостика крючок,
Вместо носа пятак,
Пятак дырявый,
А крючок вертлявый?
А Барбос, Рыжий пес,
Рассмешил ее до слез.
Он бежит не за котом,
А за собственным хвостом.
Хитрый хвостик вьется,
В зубы не дается.
Пес уныло ковыляет,
Потому что он устал.
Хвостик весело виляет:
«Не достал! Не достал!»
Ходят ножки босиком
По дорожке прямиком.
Стало сухо и тепло.
Лето, лето к нам пришло!

«Лето» А. Яким

Хочешь поглядеть на лето?
В лес пускают без билета.
Приходи!
Грибов и ягод
Столько -
Не собрать и за год!

А у речки, а у речки
С удочками человечки.
Клюнуло!
Смотрите - щука!
Щуку на берег втащу-ка...

Хорошо, устав от зноя,
По росе скакать в ночное,
Кашу на костре сварить,
До утра проговорить...

«Розовые очки» Лукашина М.

Вы вздыхаете уныло,
Видя в таксе - крокодила,
В апельсине - кожуру,
В лете - страшную жару,
Пыль в шкафу, на солнце пятна?..
Дело в зренье, вероятно!

Так воспользуйтесь советом,
Маленькие старички:
Надевать зимой и летом
С розовым стеклом очки...
Те очки вам будут впору!..
Вы увидите - и скоро -

В таксе - лучшую подружку,
В апельсине - сока кружку,
В лете - речку и песок,
А в шкафу - одни наряды...
И на солнце поясок...
Знаю, будете вы рады!

«Летний рассвет» И. С. Соколов-Микитов

Кончилась летняя тёплая ночь. Занимается над лесом утренняя заря. Над лесными полями ещё стелется лёгкий туман. Прохладной росою покрыта листва на деревьях.

Уже проснулись певчие птицы. Закуковала и поперхнулась спросонья кукушка.

«Ку-ку! Ку-кук-кук!» — звонко по лесу раздалось её кукованье.

Скоро взойдёт, обсушит росу тёплое солнышко. Привечая солнышко, ещё громче запоют птицы и закукует кукушка. Раствет туман над поляной. Вот с ночного промысла возвращается усталый зайчишка-беляк. Много врагов у маленького зайчишки. Гонялась за ним хитрая лисица, пугал страшный филин, ловила разбойница-рысь. От всех врагов ушёл маленький зайчишка.

